

Роберт Стивенсон

**Рассказ о молодом
человеке духовного сана**

Роберт Льюис Стивенсон
Рассказ о молодом
человеке духовного сана
Серия «Новые тысячи и одна ночь»
Серия «Алмаз раджи», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6661698

Аннотация

«Его преподобие мистер Саймон Ролльс весьма отличился в моральных науках и показал необыкновенные успехи в богословии. Его опыт „Об учении христианском и об обязанностях к обществу“ стяжал ему некоторую известность в Оксфордском университете, а в духовных и ученых кругах было известно, что молодой мистер

Ролльс задумал обширный труд – как говорили, целый фолиант – об авторитетности Отцов Церкви. Несмотря на это, он двигался по службе неважно, был викарием и все только дожидался самостоятельного прихода. Дожидаясь, он жил в Лондоне, в той его части, где все больше сады и очень тихо, а тишина была ему необходима для научных занятий. Квартиру он снимал у мистера Рэберна, садовода в Стокдов-Лене...»

Роберт Стивенсон

Рассказ о молодом человеке духовного сана

* * *

Его преподобие мистер Саймон Ролльс весьма отличился в моральных науках и показал необыкновенные успехи в богословии. Его опыт «Об учении христианском и об обязанностях к обществу» стяжал ему некоторую известность в Оксфордском университете, а в духовных и ученых кругах было известно, что молодой мистер Ролльс задумал обширный труд – как говорили, целый фолиант – об авторитетности Отцов Церкви. Несмотря на это, он двигался по службе неважно, был викарием и все только дожидался самостоятельного прихода. Дожидаясь, он жил в Лондоне, в той его части, где все больше сады и очень тихо, а тишина была ему необходима для научных занятий. Квартиру он снимал у мистера Рэберна, садовода в Стокдов-Лене.

Днем он имел привычку, проработав часов семь или восемь над святым Амвросием или Иоанном Златоустом, выходить на прогулку и предаваться размышлениям среди роз. Это было у него самое продуктивное время дня. Но это уеди-

нение все же не всегда спасало его от столкновений с действительной жизнью. Так и теперь, когда он увидел секретаря генерала Ванделера, изорванного и разбившегося в кровь, в обществе мистера Рэберна; когда оба они переменялись в лице, увидав его; когда, к довершению всего, генеральский секретарь отперся от собственной своей личности, – тогда мистер Ролльс забыл обо всех святых и обо всех отцах церкви и поддался самому обыкновенному любопытству.

– Я не мог ошибиться, – думал он. – Это мистер Гартлей, никакого и сомнения тут нет. Но как он попал в такую переделку? Для чего он отрекся от своей фамилии? И какое у него могло быть дело с этим темным мошенником, моим хозяином?

Размышляя об этом, он обратил вдруг внимание на новое странное обстоятельство. В низком окошке около двери показалось лицо мистера Рэберна, и случайно его глаза встретились с глазами мистера Ролльса. Садовод как будто смутился и даже встревожился, и сейчас же поспешил спустить оконную штору.

– Все это, может быть, и очень просто, но только я ровно ничего не понимаю, – думал мистер Ролльс. – Подозрительность. Скрытность. Недоверчивость. Боязнь, как бы другие чего не заметили... Ручаюсь чем угодно, что эта парочка только что оборудовала какое-нибудь темненькое дельце.

В груди мистера Ролльса проснулся сыщик – сыщик сидит, в сущности, в каждом из нас – и потребовал для себя ра-

боты. Быстрыми, резкими шагами, не похожими на его обычную походку, мистер Ролльс пошел в обход всего сада. Когда он дошел до того места, где упал Гарри, его глаза остановились прежде всего на сломанном розовом кусте и на примятом черноземе. Он взглянул наверх и увидел царапины на кирпичной стене и лоскуток от брюк, оторванный битым стеклом. Станный способ входить в сад избрал друг мистера Рэберна! Секретарь генерала Ванделера, чтобы полюбоваться розами, перелезает через забор! Молодой клерджи-мен тихонько присвистнул и наклонился исследовать грунт. Он нашел то место, где лежал Гарри, отыскиал следы плоских ног мистера Рэберна, когда тот подошел к секретарю и поднимал его за шиворот. Дальше ему удалось разглядеть на грунте следы пальцев, что-то отыскивавших и старательно собиравших.

– Ей-богу, дело становится в высшей степени интересным, – думал он.

В эту минуту он вдруг увидел что-то такое, почти совсем зарытое в землю. Он наклонился и быстро вытащил из земли изящный сафьяновый футляр с золотым тиснением. На него кто-то сильно наступил ногой, вдавил в землю, и мистер Рэберн его не нашел. Мистер Ролльс открыл футляр и даже чуть-чуть не задохнулся от страшного удивления: в футляре, в углублении из зеленого бархата, лежал бриллиант чудовищной величины и чистейшей воды. Величиной бриллиант был с утиное яйцо, великолепно огранен и без единого по-

рока. Под лучами солнца он сверкал, точно электричество, и, казалось, горел на руке миллионами внутренних огней.

Мистер Ролльс мало знал толка в драгоценностях, но бриллиант раджи был таким чудом, которое говорило само за себя. Найди его наивный деревенский житель, он бы тут же с криком побежал в ближайший коттедж. Дикарь сейчас же сделал бы его фетишем и кланялся бы ему как божеству. Красота камня ослепляла глаза юного клерджимена; мысль об его неисчислимой цене захватила его ум. Он знал, что он держит в руке ценность, во много раз превышающую стоимость архиепископской кафедры; что на этот камень можно построить собор больше кельнского; что своему обладателю он может дать полную, абсолютную свободу во всем. И когда он перевернул бриллиант, из камня вырвались яркие лучи, как бы пронзившие насквозь его сердце.

Решительные действия совершаются людьми нередко в один миг и без сознательного обдумывания. Так случилось и с мистером Ролльсом. Он торопливо огляделся кругом, но увидал, как перед тем мистер Рэберн, только залитый солнцем сад, высокие вершины деревьев и дом с занавешенными окнами. Мигом закрыл он футляр, спрятал в карман и с торопливостью преступника ушел в свою рабочую комнату.

Его преподобие Саймон Ролльс украл бриллиант раджи.

Вскоре после полудня в дом нагрянула полиция с Гарри Гартлеем. Перепуганный насмерть садовод тут же выдал все им украденное. Драгоценности проверили и описали в при-

сутствии секретаря. Мистер Ролльс, чувствовавший себя в отличном расположении духа, развязно показал, что знал, и выразил сожаление, что не может больше ничем помочь полиции в этом деле.

– Теперь, я полагаю, ваша обязанность почти кончена, – прибавил он.

– Напротив, – возразил человек из Скотланд-Ярда, – много еще остается сделать.

И он рассказал про второй грабеж, жертвой которого был все тот же несчастный Гарри. При этом сыщик описал молодому викарию бриллиант раджи.

– В нем, должно быть, целое состояние, – заметил мистер Ролльс.

– Десять, двадцать состояний! – воскликнул чиновник.

– Чем он ценнее, тем труднее будет его сбыть, – лукаво заметил Саймон. – У такой вещи своя особенная физиономия, которую нет возможности изменить.

– О, конечно! – сказал чиновник сыска. – Но если вор – человек догадливый, он разобьет бриллиант на три или четыре части и продаст каждую отдельно. Это его все-таки достаточно обогатит.

– Благодарю вас, – сказал викарный пастор. – Вы не можете себе представить, как вы меня заинтересовали своим разговором.

Чиновник заметил, что сыщикам, по своей профессии, приходится узнавать нередко чрезвычайно удивительные ве-

щи, и простился.

Мистер Ролльс вернулся к себе в комнату, но ничем не мог хорошенько заняться. Материалы для его будущего великого произведения не интересовали его нисколько; на свою библиотеку он посмотрел презрительным взглядом. Он перебрал том за томом несколько Отцов Церкви, переглядел их, но не нашел в них ничего для себя подходящего.

– Эти старые джентльмены, – думал он, – несомненно очень хорошие писатели, но в жизни они совершенные невежды. Так же вот и я – выучился на епископа, а совершенно не знаю, что мне делать с украденным бриллиантом. Подбираю намеки просто полицейского чиновника, а как их применить к делу – не знаю, несмотря на все мои фолианты. Это внушает мне очень невысокое мнение об университетском образовании.

Он оттолкнул от себя книги, надел шляпу и отправился в тот клуб, членом которого он был. В этом светском собрании он рассчитывал встретить кого-нибудь опытного в практической жизни и могущего дать хороший совет. В читальне сидело несколько сельских пасторов и один архидиакон, кроме того три журналиста и писатель из области высшей метафизики; последние играли в карты. За обедом этот обыкновенный состав клубных посетителей вполне обнаружил свою обыкновенность и тусклость. «Ни один из этих людей, – думал Ролльс, – не смыслит в опасных делах больше меня самого, ни один из них не способен дать мне дельное указание,

как поступить в данном случае». Но вот в курительной комнате он увидел, наконец, какого-то чрезвычайно сановитого джентльмена в безукоризненном фраке. Джентльмен курил сигару и читал «Двухнедельное Обзорение». На его лице лежало замечательное выражение полнейшего спокойствия без малейшего признака заботы или усталости; в его наружности было что-то такое, что и внушало доверие, и невольно заставляло ему повиноваться. Чем больше молодой клерджимен изучал его черты, тем больше убеждался, что именно этот человек может дать ему подходящий совет.

– Сэр, – сказал он, – извините мою бесцеремонность, – но судя по вашей наружности, вы человек безусловно светский.

– Да, я имею большую претензию считать себя светским человеком, – отвечал незнакомец, кладя журнал на стол и взглядывая на мистера Ролльса с веселым удивлением.

– А я, сэр, отшельник-студент, живу среди чернильниц и богословских фолиантов, – продолжал викарный священник. – Одно недавно случившееся событие обнаружило передо мной всю мою житейскую неопытность, и мне захотелось поучиться жизни. Под словом жизнь я подразумеваю не романы Теккерея, но преступления и разные тайны, возможные в нашем обществе, а наряду с ними – правила мудрого поведения в исключительных обстоятельствах. Читатель я неутомимый. Можно выучиться этому по книгам?

– Вы меня поставили в большое затруднение, – сказал незнакомец. – Признаюсь вам, я по части книг не особенно

сведущ. Читаю только, когда приходится ехать по железной дороге... Впрочем, позвольте, вы читали когда-нибудь Габорио?

Мистер Ролльс ответил, что он даже и не слышал об этом авторе.

– У Габорио вы можете найти некоторые сведения, – объявил незнакомец. – Он очень назидателен и изобретателен. Любимый автор князя Бисмарка. Тот его постоянно читает. Таким образом, на худой конец, вы если и потратите время даром, то проведете его в очень хорошем обществе.

– Сэр, я вам очень благодарен за вашу любезность, – сказал викарий.

– Вы мне уже заплатили за нее с процентами, – отвечал джентльмен.

– Чем же это? – спросил Саймон.

– Новизной и оригинальностью вашей просьбы, – отвечал джентльмен.

И с учтивым жестом, которым как бы спрашивал позволение, он снова принялся читать «Двухнедельное Обзорение».

На обратном пути домой мистер Ролльс купил сочинение о драгоценных камнях и несколько романов Габорио. Габорио он зачитался до глубокой ночи, и хотя тот подсказал ему несколько новых мыслей, но все же мистер Ролльс не нашел у него прямых указаний, как поступать с украденным бриллиантом. Кроме того, ему не понравилось, что все указания рассыпаны среди романических описаний и сцен, а не собра-

ны вместе в одно целое в виде катехизиса. Из этого он сделал вывод, что хотя автор и много думал обо всех этих вещах, но что он совершенно не знаком с учебной методикой. Впрочем, от Лекока он пришел в полный восторг.

– Это был безусловно великий человек, – размышлял мистер Ролльс. – Он изучил свет, как свои пять пальцев. Нет ни одного дела, которое он не сумел бы довести до конца своими собственными руками вопреки всему и несмотря ни на что. Боже мой! – перебил он вдруг сам себя. – А это разве не урок? Разве мне не следует самому научиться разрезать бриллианты?

Ему казалось, будто он сразу вышел из всех затруднений. Он вспомнил, что у него есть знакомый ювелир в Эдинбурге, некто Б. Маккеллок, который с удовольствием даст ему несколько необходимых уроков. После нескольких месяцев, а может быть и лет черной работы он научится обращению с алмазами и сумеет распорядиться, как нужно, с бриллиантом раджи. После этого он может сколько угодно опять продолжать свои научные занятия, превратившись в богатого ученого, возбуждая к себе во всех и зависть, и уважение. Всю ночь ему снились золотые сны, и он проснулся утром хорошо выспавшийся, бодрый и с облегченным сердцем.

Дом мистера Рэберна опечатала полиция, и это обстоятельство дало мистеру Ролльсу предлог для отъезда. Он радостно уложил свой багаж, отвез его на Кингс-Кросский вокзал и сдал в багажное отделение, а сам поехал в клуб прове-

сти там остаток дня и пообедать.

– Если вы здесь будете обедать сегодня, Ролльс, – сказал ему один знакомый, – то увидите двух самых замечательных людей в Англии – принца Флоризеля Богемского и старого Джека Ванделера.

– О принце я слышал, – отвечал мистер Ролльс, – а с генералом Ванделером встречался в обществе.

– Генерал Ванделер – осел, – возразил знакомый. – А это его брат Джон, замечательный авантюрист, знаток в драгоценных камнях и один из самых хитрых дипломатов в Европе. Слыхали вы когда-нибудь о его дуэли с герцогом Вальдерменом? Или о его подвигах и жестокостях, когда он был диктатором в Парагвае? Или о его ловкости, как он разыскал драгоценности сэра Сэмюеля Леви? Или о его заслугах во время индийского восстания, которыми правительство пользовалось, но не решилось их открыто признать? Джек Ванделер наглотался вдоволь и славы, и бесславия. Как, вы о нем не знаете? Бегите скорее, займите стол поближе к ним, и хорошенько слушайте. Вы услышите много удивительных рассказов, или я сильно ошибаюсь.

– А как я их узнаю? – спросил клерджимен.

– Как узнаете? – воскликнул приятель. – Да ведь принц Флоризель – элегантнейший джентльмен во всей Европе, единственный на свете человек вполне царственного вида, а Джек Ванделер – если вы можете себе представить Улисса в семидесятилетнем возрасте, с шрамом от сабли на лице,

то вот вам и Джек Ванделер. Как их узнать! Скажите, пожалуйста! Да в день Дерби вы можете руками трогать и того, и другого.

Ролльс поспешил в столовую. Вышло так, как ему сказал приятель, того и другого сейчас же можно было узнать. Старый Джек Ванделер был замечательно сильного телосложения, и, видимо, привык к самым трудным физическим упражнениям. Похож он был не на сухопутного военного, а скорее на моряка, только немного больше других привыкшего к седлу. Его орлиные черты выражали смелость, надменность и хищность, а все лицо и наружность обличали в нем человека порывистого, жестокого и беззастенчивого. Густые седые волосы и шрам от сабельного удара, перерубившего ему нос, придавали что-то дикое его внешности, одновременно замечательной и страшной.

В его товарище, принце Богемском, мистер Ролльс с удивлением узнал того самого джентльмена, который посоветовал ему читать Габорио. Очевидно, принц Флоризель, редко посещавший клуб, где он числился, как и во множестве других клубов, почетным членом, только ради Джека Ванделера и заходил туда в прошлый вечер, когда к нему обратился со своей просьбой Саймон.

Прочие обедающие скромно расселись по углам комнаты, оставив двух знаменитых гостей в некотором уединении, но молодой клерджимен не был стеснен избытком благоговения и смело подошел, чтобы сесть у соседнего стола.

Разговор представлял, действительно, полную новизну для юного богослова. Бывший парагвайский диктатор рассказывал о разных, бывших с ним случаях во всех частях света, а принц делал свои примечания, которые оказывались еще интереснее самих событий. Два сорта опытных людей явилось перед глазами юного пастора: один все испытал лично на себе, сам во всем лично участвовал с опасностью для жизни и рассказывал обо всем, как о своих собственных делах, тогда как другой знал и понимал все отлично, а между тем сам ничего такого не перенес. Манеры каждого собеседника вполне соответствовали роли каждого в разговоре. Диктатор грубо говорил и грубо жестикулировал, хлопал ладонью по столу, голос его был громок и резок. Принц, напротив, казался образцом культуры, вежливости и спокойной сдержанности. Малейший его жест, малейшее сказанное им слово впечатляли больше, чем все выкрики и жесты его собеседника.

Наконец, разговор перешел на тему дня – о только что совершенном похищении бриллианта раджи.

– Лучше бы этому бриллианту лежать на дне морском, – заметил принц Флоризель.

– Как член семьи Ванделеров, не могу согласиться с вашим высочеством, – возразил бывший диктатор.

– Я говорю с точки зрения интереса общественной безопасности, – продолжал принц, – таким ценным вещам место в коллекции какого-нибудь государя или в какой-нибудь на-

циональной сокровищнице. В руках частного лица подобная драгоценность – только искушение для других. Раджа кашгарский, я знаю, государь очень умный. Лучшей мести европейцам, от которых он видел столько дурного, нельзя было и придумать, как пустить среди них в обращение это яблоко раздора. Самый честный человек может не устоять против подобного искушения. Я сам, при всех своих привилегиях, при всем своем исключительном положении, с трудом могу смотреть на этот камень и не искушиться. А вы, неутомимый охотник за алмазами, разве вы не способны пожертвовать за редкий алмаз всем, что только у вас есть – семьей, карьерой, честью? Не для того чтобы сделаться более богатым и уважаемым, а только для того, чтобы хоть год или два до смерти считать этот алмаз своим?

– Это правда, – сказал Ванделер, – я гонялся за многими вещами: за мужчинами, за женщинами – и так до москитов включительно. Я нырял за кораллами, охотился на китов и тигров. Но хороший алмаз – это, я вам скажу, из всех добыч, какие только существуют, самая великолепная. У него два качества – красота и ценность. Он сам по себе вознаграждает за труды и опасности охоты, за весь потраченный охотничий пыл. В данный момент, ваше высочество, я гонюсь по следу. У меня верная хватка и большой опыт. В коллекции моего брата я знаю хорошо каждый камешек, как пастух знает овец своего стада. И пусть лучше я умру, если мне не удастся разыскать все его алмазы до последнего.

– Сэр Томас Ванделер будет вам чрезвычайно благодарен, – заметил принц.

– Я не так уж в этом уверен, – возразил бывший диктатор. – Наконец, не все ли равно, который из Ванделеров, Томас или Джек, Петр или Павел – мы все апостолы.

– Я не понял вашего замечания, – сказал принц с легким отвращением.

Подошел клубный лакей и доложил мистеру Ванделеру, что за ним приехал его кэб.

Мистер Ролльс посмотрел на часы и увидел, что ему тоже пора двигаться. Это совпадение ему совсем не понравилось, потому что он не желал оставаться в компании охотника за алмазами.

Усиленные книжные занятия несколько надорвали нервы молодого клерджимена, поэтому он сделал привычкой ездить всегда с большим комфортом. Он взял себе целый диван в спальном вагоне.

– Вам будет очень удобно и спокойно, – сказал ему проводник. – Вы будете совершенно один в вашем купе, да еще на другом конце вагона едет один пожилой джентльмен.

Уже незадолго до отхода поезда – и билеты были уже проверены – мистер Ролльс увидел своего попутчика входящим в вагон. Несколько человек носильщиков несли впереди его вещи. Пассажир оказался никто иной, как старый Джек Ванделер, парагвайский диктатор. Если с кем-нибудь молодой викарий не желал встречаться, так это именно с ним.

Спальные вагоны «большой северной линии» делятся на три отделения или купе – в двух крайних помещаются пассажиры, а в среднем уборная и умывальники. Двери отделений обыкновенно никогда не запираются, так что все пассажиры находятся на виду друг у друга.

Когда мистер Ролльс ознакомился с устройством вагона, он почувствовал себя совершенно беззащитным. Если диктатор пожелает сделать ему ночной визит, ему ничего больше не останется, как принять этот визит. Оградить себя он ничем не может, на него можно здесь напасть, как в чистом поле. Такая обстановка привела его в совершенное расстройство. Он вспомнил хвастливые слова своего попутчика, сказанные за обедом в клубе, и его безнравственное замечание, вызвавшее неудовольствие принца. Он вспомнил, что он где-то читал, будто у некоторых людей развито особенное чутье к металлам, так что они на расстоянии узнают о присутствии золота. Разве не может существовать такого же чутья относительно бриллиантов? Разве не может этим чутьем обладать бывший парагвайский диктатор, хвастливо называющий себя охотником за алмазами? От такого человека можно всего ожидать.

И бедный мистер Ролльс стал с нетерпением желать, чтобы поскорее приходило утро.

Возможными предосторожностями он не пренебрег, проверил надежно ли спрятан футляр с бриллиантами в самом дальнем кармане верхнего платья, и набожно поручил себя

Провидению.

Поезд, как всегда, шел ровным и быстрым ходом. Проехали больше половины всего пути, когда сон начал наконец брать вверх над нервным возбуждением мистера Ролльса. Сначала он упорно боролся с сонливостью, но потом выбился из сил, лег на один из диванов и перед самым Йорком крепко заснул. Последней его мыслью была мысль о страшном соседе.

Когда он проснулся, в вагоне было темно, как в печной трубе, только едва мерцал занавешенный фонарь. Гул колес и вагонная качка свидетельствовали, что поезд неся по-прежнему с неизменной быстротой. Ролльс в ужасе принял сидячее положение, измученный страшными снами, а когда через некоторое время опять прилег, сон так и не вернулся к нему, и он лежал без сна в состоянии сильнейшего возбуждения, не спуская глаз с двери в умывальную.

В это время, когда он так лежал, случилось нечто довольно странное. Выдвижная дверь из уборной немного раздвинулась, потом еще немного, и образовалось отверстие дюймов в двадцать. В уборной фонарь не был задернут занавеской, и в освещенном отверстии двери мистер Ролльс увидел голову мистера Ванделера в глубокой задумчивости. Он чувствовал, что диктатор глядит на его лицо, и из чувства самосохранения затаил дыхание, призакрыл глаза и стал смотреть на диктатора из-под опущенных ресниц. Через минуту голова скрылась и дверь в уборную задвинулась.

Диктатор, очевидно приходил не затем, чтобы нападать, а только чтобы посмотреть. Его поведение было такого рода, что скорее он боялся за себя, чем сам угрожал. Мистер Ролльс опасался его, а тот, видимо, сам опасался мистера Ролльса. Приходил он, очевидно, только затем, чтоб взглянуть, спит или нет его попутчик, и убедившись, что тот спит, удалился.

Клерджимен вскочил на ноги. Чрезмерный страх уступил в нем место безумной смелости. Он сообразил, что грохот несущегося поезда заглушает все другие звуки, и решил сделать соседу ответный визит. Он вошел в уборную и прислушался. Как он и ожидал, кроме гула вагонных колес ничего не было слышно. Тогда он начал осторожно отворять выдвижную дверь из уборной в другое купе, раздвинул ее дюймов на шесть и невольно вскрикнул от изумления.

На Джоне Ванделере была надета дорожная меховая шапочка с наушниками, так что он не мог ровно ничего слышать при грохоте курьерского поезда, а видеть мистера Ролльса он тоже не мог, потому что был слишком занят и сидел с наклоненной головой. Он так и не поднял головы и продолжал свое довольно странное занятие. Между ногами у него стояла шляпная картонка, в одной руке он держал рукав своего верхнего пальто, а в другой огромный нож, которым подпарывал подкладку рукава. Мистеру Ролльсу приходилось читать, что некоторые носят деньги в поясах, но не случалось ни разу видеть, как это делается. А то, что пред-

ставилось в эту минуту его глазам, было еще страннее, потому что, как оказалось, Джон Ванделер носил у себя в рукавах за подкладкой бриллианты. Молодой человек видел, как он выкладывает из рукава в картонку сверкающие бриллианты один за другим.

Он стоял пригвожденный к месту и следил за странной работой своего попутчика. Бриллианты были по большей части мелкие и ничего особенного собой не представляли. Но вот Джон Ванделер чем-то затруднился, видимо, он тащил из-под подкладки большую вещь. Вещь оказалась огромной бриллиантовой диадемой, которую он несколько секунд осматривал, прежде чем положить вместе с другими в картонку от шляпы. Эта диадема объяснила мистеру Ролльсу все. Он сейчас же по описанию узнал в ней вещь из числа украденных У Гарри Гартлея оборванцем. Ошибиться было нельзя, ее именно так описывал ему сыскной чиновник. Рубиновые звезды, в середине крупный изумруд, несколько полумесяцев между ними, грушевидные подвески с отдельным камнем каждый, составлявшие главную ценность диадемы леди Ванделер.

Мистер Ролльс почувствовал огромное облегчение. Диктатор оказывался замешанным в это дело не меньше, чем он. В порыве радости у викария вырвался глубокий вздох, а так как в груди у него давно уже было стеснение, а в горле пересохло, то за вздохом последовал кашель.

Мистер Ванделер поднял глаза. Его лицо исказилось. Гла-

за широко раскрылись, нижняя челюсть отвисла от удивления и отчасти от злости. Инстинктивно он набросил на картонку пальто. С полминуты оба смотрели молча друг на друга, но этого промежутка было довольно для мистера Ролльса. Он был из числа тех, которые в опасности умеют быстро решать, и первый нарушил молчание.

– Прошу прощения, – сказал он.

Диктатор слегка вздрогнул и, когда он заговорил, голос у него был хриплый.

– Что вам здесь нужно? – спросил он.

– У меня особенная любовь к бриллиантам, – отвечал мистер Ролльс с полнейшим самообладанием. – Двум знатокам следует быть знакомыми между собой. У меня есть тоже собственная вещичка, которая, быть может, послужит мне вместо рекомендации.

С этими словами он преспокойно вынул из кармана футляр, наскоро показал диктатору «бриллиант раджи» и спрятал опять.

– Это принадлежало вашему брату, – прибавил он.

Джон Ванделер продолжал на него глядеть с выражением тягостного изумления, но ничего не сказал и не пошевелился.

– Я с удовольствием вижу, – продолжал молодой пастор, – что у нас с вами бриллианты из одной и той же коллекции.

Диктатор был вне себя от неожиданности.

– Извините, – сказал он, – я теперь вижу, что становлюсь

стар. К подобным случайностям я совсем не подготовлен. Но скажите, вы, если я не ошибаюсь, лицо духовное?

– Да, я принадлежу к духовному сословию, – ответил мистер Ролльс.

– Извините меня, – продолжал Ванделер, – извините, молодой человек. Я вижу, вы не трус, но нужно сперва посмотреть, не безумец ли вы. – Он прислонился спиной к дивану. – Познакомьте меня с некоторыми подробностями. Я должен их знать. Скажите, например, что вас побудило действовать с таким удивительным бесстыдством?

– Побудило – совершенное незнание практической жизни, – отвечал клерджимен.

– Буду очень рад в этом убедиться, – сказал Ванделер.

Тогда мистер Ролльс рассказал ему всю историю своей связи с бриллиантом раджи, от той минуты, как он нашел бриллиант в саду Рэберна, и до своего отъезда из Лондона в «летучем шотландце»¹. К этому он прибавил краткое описание своих дум и чувств во время пути и закончил такими словами:

– Когда я узнал диадему, я понял, что мы с вами находимся в совершенно одинаковом положении перед обществом, и это внушило мне небезосновательную надежду, что мы с вами можем вступить в союз для того, чтобы сообща побороть разные затруднения. Для вас реализовать этот бриллиант ничего почти не составит, при вашей великой опытно-

¹ Так называют иногда экспресс между Лондоном и Эдинбургом (*прим. перев.*).

сти, а для меня это почти невозможно. Разбивать бриллиант на части будет, пожалуй, очень убыточно, да я и не сумею этого хорошенько сделать. Лучше же я вам уплачу за ваше содействие какое хотите вознаграждение... Виноват, может быть, я не так говорю... Я совершенно не знаю, как поступают в подобных случаях. У каждого свои способности и своя практика. Я могу вас хорошо окрестить, хорошо обвенчать, но в таких делах...

– Я вовсе не желаю вам льстить, – заметил Ванделер, – но, ей-богу же, у вас замечательное природное расположение к преступной жизни. У вас в этом отношении гораздо больше разных совершенств, чем вы сами думаете. Много я встречал мошенников в разных частях света, но такого бесстыжего, неспособного краснеть, не встречал ни разу. Радуйтесь, мистер Ролльс, вы попали на настоящую свою дорогу! Что касается помощи вам, то я к вашим услугам. Распоряжайтесь мною, как хотите. В Эдинбурге у меня дело будет только на один день, так – маленькое поручение от брата. Как только я его сделаю, я уеду обратно в Париж, где обыкновенно живу. Если угодно, поедemте туда вместе, и не пройдет месяца, как я обделаю ваше маленькое дельце в совершенстве.

(На этом месте, вопреки всем правилам искусства, арабский автор обрывает свой «Рассказ о молодом человеке духовного сана». Я очень осуждаю такую манеру и очень жалею, что автор к ней прибег, но ничего не могу сделать: я

должен придерживаться оригинала и, прежде чем доскажу до конца о приключениях мистера Ролльса, передам читателям «Повесть о доме с зелеными ставнями»).